

ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ АКТИВАТОР ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ НА РОДНОМ И ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКАХ

PRE-TRANSLATION ANALYSIS OF A LITERARY TEXT AS A POTENTIAL ACTIVATOR OF EXPRESSIVENESS IN STUDENTS' WRITTEN UTTERANCES IN NATIVE AND FOREIGN TONGUES

*E. Maryanovskaya
D. Kalyagin*

Summary: The paper focuses on the linguodidactics of translation, specifically on the potential of pre-translation analysis in teaching expressiveness in the written speech of students of linguistic departments. The authors of the paper view pre-translation text analysis as an instrument to interpret how the writer achieves effectiveness and expressiveness and compensates for inevitable losses, if any. Expressiveness, which is subsequently intended to be taught, is understood primarily in terms of the poetic function that ensures the unity of form and content. It doesn't imply a pile-up of tropes, but it presupposes the maximum correspondence between the writer's intention and the means of its expression, the precision of word choice, the ability to say much in little, and the graphic arrangement of an utterance. Poetic prose, namely the stories "Chistyie Prudy" by Y.M. Nagibin and "My Home, My Home" by W. Saroyan, serves as material for this research. The paper concludes with tasks for making up one's own expressive written utterances based on results of pre-translation analysis.

Keywords: expressiveness, pre-translation analysis, poetic function, poetic prose, expressive written utterance.

Марьяновская Елена Леонидовна

кандидат педагогических наук, доцент,
ФГБОУ ВО Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина
e.maryanovskaya@rsu-rzn.ru

Калягин Данила Константинович

аспирант, ФГБОУ ВО Рязанский государственный
университет имени С.А. Есенина
d.kalyagin7@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена лингводидактике перевода, а именно потенциалу предпереводческого анализа при обучении выразительности письменного высказывания студентов языковых факультетов. Предпереводческий анализ текста понимается в терминах того, как автор добивается точности формулировок, ёмкости и выразительности, как он компенсирует неизбежные потери. Выразительность, которой и предполагается потом обучать, трактуется прежде всего в терминах поэтической функции, обеспечивающей единство формосодержания, – не как нагромождение тропов, а как максимальное соответствие интенции и способов ее выражения, как точность выбора слова, как умение сказать многое в малом, как роль ритма и пауз в прозе, то есть графической аранжировки высказывания. Исследование строится на материале поэтической прозы, а именно на рассказах Ю.М. Нагибина «Чистые пруды» и У. Сарояна «My Home, My Home», которым свойственны нелинейность синтаксиса и риторические повторы. В конце статьи предлагаются задания для построения собственных письменных высказываний на основе предпереводческого анализа.

Ключевые слова: выразительность, предпереводческий анализ, поэтическая функция, поэтическая проза, выразительное письменное высказывание.

Выразительность термин многокомпонентный, в результате чего это понятие сводится к целому ряду характеристик. Так, выразительная речь может быть "направлена на достижение прагматического эффекта" [4, с. 139]: она позволяет оказывать на адресата как эмоциональное [7, с. 33], так и рациональное (логическое) воздействие [12, с. 39; 1, с. 27], и отличается рядом свойств, которые в различной степени проявляются в:

- 1) поддержании интереса и внимания у слушателя или говорящего [2, с. 186; 14, с. 323; 13, с. 83–84];
- 2) запоминании речи [14, с. 323];
- 3) убеждении или доказательстве какого-либо утверждения [4, с. 139];

- 4) формировании впечатления или понятия, или его видоизменения [12, с. 36–37].

В контексте перевода художественной прозы также необходимо отметить "смыслообразующую роль (meaning-making)" выразительности [5, с. 110], понимание которой становится ключом к пониманию художественного текста.

Мы полагаем, что именно на материале художественных текстов, обладающих «легким дыханием» поэзии, наиболее эффективно обучать не только предпереводческому анализу и переводу, а идти дальше, обучая эффективности собственного высказывания, потому что именно в таких текстах «концентрация» выразительно-

сти максимальна. Поскольку поэтическая проза обращается к выразительным средствам, присущим и поэзии, и прибегает к синтаксическим «нарушениям», существенно влияющим на ее линейность, то формируется так называемый эмотивный синтаксис прозы. Эмотивность прозы, трактуемая нами как сам процесс ее организации, усиливает выразительность высказывания и ее следует рассматривать через призму поэтической функции. Именно она, главенствуя над остальными функциями текста, «обеспечивает единство формосодержания, ибо отвечает за обоснованность появления знака и его роль в дискурсивном пространстве текста» [8, с. 47]. В отличие от экспрессивности, которая всегда эксплицитна, поскольку подразумевает выдвигание той или иной единицы текста относительно ее нейтрального варианта, эмотивность чаще имплицитна, поскольку объединяет психологическое и лингвистическое, и это также «роднит ее с поэтической функцией».

Кроме того, учитывая всё вышесказанное мы можем говорить и о более широком понятии эквивалентности, применимом к переводу и предпереводческому анализу такой поэтической прозы. Имеется в виду не то, что допускается «вольность, искажающая мысль или тон оригинала», а что перевод считается эквивалентным в том случае, если он функционален и обеспечивает такое же впечатление, как и оригинал, — «и по содержанию, и по выразительности, и по эмоциональному тону, и по звучанию», даже если после этого утратится возможность воссоздать оригинальный текст при обратном переводе [6, с. 79–82]. Адекватность перевода художественного текста в таком случае будет зависеть не только от правильно подобранного естественного эквивалента, но и от того, насколько он сочетается с другими словами в тексте и воссоздает тот же эффект: «поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации» [15, с. 204]. То есть мы можем говорить именно о текстуальном соответствии, которое далеко не всегда буквально, что на наш взгляд, полностью соответствует текстоцентрической семантике, о которой говорит С.Т. Золян [3, с. 11–18].

Следовательно, задача переводчика прежде всего состоит в определении того, что формирует это впечатление: как автор добивается точности формулировок, емкости, выразительности (имплицитна она или эксплицитна); как можно компенсировать неизбежные потери в переводе — все это будет составлять неотъемлемую часть предпереводческого анализа. Такой анализ предполагает интерпретацию текста, который «включает последовательную интерпретацию каждого коммуникативно-значимого контекста, где каждое слово имеет свое место и играет коммуникативную роль» [11, с. 5–6]. И это всегда связано не только с определением замысла автора и его манеры письма, но и с определением функции анализируемого текста [16, р. 32].

Проиллюстрируем сформулированные теоретические постулаты на примере двух рассказов Юрия Нагибина «Чистые пруды» и Уильяма Сарояна «My Home, My Home». Эти два рассказа выбраны неслучайно: риторически и эмоционально два произведения очень близки, хотя написаны в разное время и на разных языках. Вместо последовательного, логически стройного изложения, обеим работам свойственна нелинейность синтаксиса. Она проявляется в этих произведениях по-разному, однако служит она одним и тем же целям: во-первых, раскрыть внутренний мир рассказчика через поток воспоминаний и эмоций (воспоминания никогда не бывают линейными), и, во-вторых, замедлить время повествования, чтобы читатель смог «прожить» этот текст вместе с рассказчиком. Нелинейность в данном случае является частью реализуемой поэтической функции, обращающей внимание читателя на само сообщение.

Проанализируем некоторые фрагменты вышеупомянутых произведений, которые впоследствии будут использованы для заданий в активации выразительности письменной речи.

Повествование в рассказе Ю.М. Нагибина «Чистые пруды» идет от первого лица, что формирует особый доверительный тон и вовлекает читателя в историю: создается ощущение непринужденной обстановки, в которой один из собеседников делится своим опытом, а другой (читатель) — внимательно слушает. Ощущение усиливается от того, что история, состоящая из цепочки ассоциаций, связанных с местом, кажется, создается по ходу ее прочтения («Да, чуть не забыл: еще этот человек говорил...»), что делает читателя причастным к ней. При этом автор не прибегает к абстракциям, он сообщает фактическую информацию: делится фразами, которыми они пользовались в то время (например, «киношка» или «чистопрудный» для описания «своего» человека), приводит конкретные названия мест, имена и фамилии людей.

Рассказ начинается с обозначения определяемого места (Чистых прудов) и мгновенно прерывается — многоточием. Автор понимает, какая непростая задача стоит перед ним — описать то самое место, в котором он провел свою юность. То место, где формировались самые яркие воспоминания его жизни. То место, которое так же понимало и прочувствовало разве что поколение рассказчика. А для других — это просто улица, бульвар, пруд или, еще хуже, сточная канава, где и рыбу не выловить.

Ю.М. Нагибин понимает — прочувствовать это у читателей не получится, поскольку для этого потребуются прожить его жизнь. И тогда рассказчик прибегает к «созданию метонимического эффекта распространения от одного человека на многих», обобщая общее через частное [10, с. 65–67]. Понимая, что у каждого поколения

были свои "Чистые пруды", автор описывает те чувства, эмоции и ситуации, которые испытывали многие. Таким образом, он вызывает ностальгию через личный опыт, обобщенный до уровня коллективной памяти.

Так, рассказчик прибегает к описанию Чистых прудов, повторяя конструкцию "Чистые пруды — это ...". В каждом повторении автор раскручивает новый виток ассоциаций, которые связаны с этим местом. Начало очередного определения — как начало нового четверостишия:

«Чистые пруды — это чудо первого скольжения на коньках...»

«Чистые пруды — это первая горюшка, которую ты одолел на лыжах...»

«Чистые пруды — это первая снежная баба, первый дом из глины...»

«Чистые пруды — это целый мир чудесных неожиданностей» ...

Сама форма высказывания, определение, которую выбирает Ю.М. Нагибин, подразумевает высокую степень объективности, но получившиеся определения — это поэтизированные ассоциации, которые объективны лишь для говорящего, поскольку он не может не говорить про такое дорогое для него место. Но тем не менее, несмотря на этот контраст, читатель улавливает передаваемое настроение и ощущение автора, и может легко поставить себя на его место, заменив Чистые пруды на любое другое место, которое дорого читателю.

Помимо этого, ощущение, создаваемое при прочтении рассказа, формируется за счет выразительности, которая проявляется в нелинейности повествования: контрасте регистров, чередовании длинных кумулятивных и коротких предложений, пунктуационных паузах и повторах, создающих ритм и "рифму" прозы. Именно такая форма высказывания позволяет воссоздать ностальгический эффект, в результате чего можно говорить о единстве формосодержания в контексте произведения.

Рассказ У. Сарояна "My Home, My Home" также является ярким примером поэтической прозы, где форма и содержание сливаются в единое целое.

Тема тщетности передвижений с одного места на другое часто появляется в его произведениях. Рассказ "My Home, My Home" не является исключением: в нем автор пытается осознать, что делает его родной дом таким особенным местом, которое ни за что не хочется покидать, и которое, в то же время, по своей внешней неприметной составляющей ничем не отличается от любого другого городка.

За счет нелинейного синтаксиса, который состоит из философских вопросов и несвязанных между собой цепочек ассоциаций, создается круговорот мыслей и

имитируется процесс вспоминания. Через повторяющиеся риторические вопросы автор по крупицам собирает описание своего города, лишней раз пытаясь подчеркнуть его неприметность ("Что это, как не ..."). Однако через эту аккумуляцию автор лишь приумножает его значимость. При этом это не та значимость, которая формируется "не за что-то, а вопреки". На каждый такой вопрос хочется ответить: "на самом деле, это что-то большее", но непонятно, почему. Создается ощущение, что каждый раз это объяснение ускользает от рассказчика: оно не поддается определению. У. Сароян отчаянно пытается разложить эту значимость на части, словно пытается "приземлить" свое возвышенное ощущение от этого места, используя фактическую информацию (рассказчик "заглядывает" на урок арифметики в школе, упоминает названия улиц (Вентура-авеню, Тулар-стрит), использует много чисел (десять тысяч городов, тридцать миллионов людей, две железнодорожные станции и т.д.), что как будто должно придавать повествованию объективность, а, на самом деле получается поэтично и возвышенно.

Позже он приходит к выводу, что это особое ощущение во многом создается за счет ночного неба, «ясного, поразительного и бесконечно просторного» (перевод наш – Е.М., Д.К.): ясного — поскольку в маленьком городке оно не затмевается большим количеством света, как в большом городе, и видно звёзды; поразительного — от неожиданного осознания того, что небо всегда было над нами, но мы не обращали на него внимание; бесконечно просторного — поскольку его можно увидеть в любом городе (и поэтому необязательно куда-либо уезжать), и поскольку оно простирается сквозь время, оставаясь неизменным и сопровождая человека с самого детства и до конца его жизни («Once again I am back in my home town. Last night I learned that a great part of what this town is, wherever I go: is the nighttime sky: clear, sudden, and infinitely spacious»).

Такое парадоксальное переплетение бытового с вечным отражается в стиле повествования: повседневное передается нейтральными лексическими единицами, фактически лишенных поэзии, а возвышенное чувство — выразительностью, которая проявляется в каждом предложении и в самой структуре рассказа.

Композиционно история представляет собой саму жизнь, с ее началом и концом, и в этом и заключается ее метонимический эффект распространения опыта от одного человека на многих. В ней говорится про каждого в отдельности, и обо всех людях в целом. Рассказ начинается со слов о свете, который человек видит впервые в своем городе (что мгновенно вызывает ассоциацию с библейской историей о сотворении мира ("да будет свет") и помогает прийти к выводу, что у каждого человека происходит его "индивидуальное сотворение мира", только в его родном городе, и заканчивается рассужде-

ниями о смерти ("a man will go away without ever having reached anywhere"), что рифмуется со 102-м псалмом: дыхание человека прекратится и больше его не будет, «и не познает ктому места своего».

Помимо этого, поэтическая функция формируется за счет повторов, символически означающих вечность. При этом повторяется не только риторический вопрос, который возникает в начале практически каждого абзаца ("...is it more than..."), но и конструкция "a few", которая встает в противоречие с тем высказыванием, что ничего не изменилось в городе ("I found nothing changed"). Точнее, только кажется, что ничего не изменилось, а когда рассказчик вглядывается, то он понимает, что понемногу изменилось все, а неизменной осталась только тишина.

Также У. Сароян использует прием градации, который проявляется в повторе союза "and" ("...and stayed, and others came, and stayed, and still others came out of their staying") (полисиндетон), предлога "beyond" ("beyond the top, beyond all sides, beyond bottom") и в многократном использовании однородных членов, создающих характерный ритм произведения и кумулирующих эмоциональное состояние ("grow, change, go away, remember, return, and go away"; "outside, around, over, under, within"), что позволяет подчеркнуть непрерывность тщетных передвижений людей. Помимо этого, однородные члены в тексте также формируют особое звучание за счет аллитерации (повтора): так, в отрывках "and stayed, and others came, and stayed, and still others came out of their staying" и "two depots, one on each side of town, east and west, the city in between, the streets and houses all around" часто повторяется звук [s], что как будто создает ощущение ветра, поднимающегося от нескончаемых передвижений.

Получается, что для достижения одного и того же эмоционального состояния, чувства ностальгии, и для достижения метонимического эффекта, авторы делают акцент на разных стратегиях и приёмах. Так, У. Сароян достигает этого с помощью:

1. повторов (риторических вопросов, однородных членов, союзов и похожих по звучанию согласных звуков), которые формируют ритм и "рифму" высказывания и способствуют последующему усилению (градации) эффекта ностальгии, делая нарратив предельно выразительным;
2. переплетения обыденного с вечным, что отражается в постепенном переходе от предельно конкретных ситуаций-ассоциаций, описанных при помощи фактической информации, к более метафоричному повествованию для раскрытия абстрактной философской темы.

Ю.М. Нагибин, в свою очередь, использует риторическую стратегию определения, нанизывая эпизоды своей памяти словно бусины, вместе с тем наделяя своё по-

вествование сюжетной линией, используя конкретные фрагменты своего опыта. Эти определения отличаются наслаиванием деталей, с помощью которых можно было бы практически воссоздать описываемое место.

Приведём два примера заданий на русском и английском языках, иллюстрирующих как полученные результаты предпереводческого анализа могут стать потенциальным активатором выразительности письменной речи студента:

1. Составьте короткое описательное высказывание (не более 7 предложений), сохраняя голос автора и поэтическую функцию текста. В высказывании должны быть упомянуты отличительные характеристики одного из самых важных для вас мест. Используйте риторические стратегии определения и перечисления (как в рассказе Ю.М. Нагибина «Чистые пруды»).

Для обеспечения эффективности выполнения задания, студентам можно дать примеры мест или предметов, которые можно описать:

Маршрут, по которому ходил в школу; Речка, где учились плавать; Черёмуха у дома; Новый год; Семейный альбом с размытыми фото; Мамино варенье; Дедушкины часы с маятником; Шахматы; Ржавые качели во дворе; Футбольные ворота из кирпичей; Подъезд с кодом вместо домофона; Лавочка у подъезда; Школьная столовая; Телевизор, который били по боку для четкости, реклама; Дисковый телефон с крутящимся номером.

Также для того, чтобы сделать инструкцию более понятной, потребуется привести хотя бы один пример выполнения подобного задания:

Пример: Я не был в нашем деревенском доме с тех пор, как не стало моей бабушки. И хотя для 11-летнего меня последняя поездка закончилась так печально, воспоминания об этом месте – самые счастливые. Бабушкин дом — это скрип половиц под босыми ногами, которые привычно влекут тебя в сторону кухни, ведь там всегда можно было найти пирожок с капустой. Бабушкин дом — это морщинистые руки в веснушках, которые, нащупав колючий вязаный свитер под курткой, сначала туго затягивают тебе шарф, а уже через два часа, после того как обожгутся от прикосновения к твоим красным от холода щекам, стремительно ведут тебя пить только что вскипевший чай. Бабушкин дом — это армянский ковер на стене, приложив ухо, к которому можно услышать затевшееся в ворсинках глухое эхо двадцатилетней давности, говорящее: "Не ходи босиком".

2. Compose a short descriptive utterance (no more than 7 sentences), preserving the author's voice and the poetic function of the text. The primary rhetorical strategy will be that of describing a place/event through a series of

rhetorical questions (What is it but... / (What) Is it (anything) more than). The questions are supposed to cast objective doubt on the value of the described place, yet which remains subjectively the most important to you (as it was shown in W. Saroyan's «My Home, My Home»).

Sample: I don't want to be a child anymore. However, when I cast my mind back to childhood, I realize that I hold that period so dear, that I don't even understand what for. What is childhood but the careless period when you know next to nothing and decide nothing as well? What is it but falling off your bicycle and, withholding for a second, bursting into a loud cry and tears, because your knees are skinned, and running to your mum to be comforted? What is it more than the smell of wet asphalt after rain, where chalk figures that you had drawn melt into oblivion? What is it more than a bicycle with a crooked wheel, carrying you to adventures that ended at sunset? What is it more than walking without a purpose and finding a rusty key to nowhere?

Такой пристальный предпереводческий анализ помогает увидеть абсолютно все «инструменты», которые использует автор в процессе создания текста. Подобное воссоздание процесса порождения замысла автора необходимо для того, чтобы «врасти в новую и каждый раз уникальную систему передачи опыта, фактического и эмоционального», а затем, перевоплотившись в автора, «воссоздать однажды переданный опыт новой системой выразительных средств и на языке иной культуры» [9, с. 61].

И ещё до выполнения творческих заданий, предложенных выше и направленных на порождение собственного выразительного высказывания, можно предложить студентам, используя результаты предпереводческого анализа в качестве строительного материала, создать вариант перевода хотя бы фрагмента проанализированного текста, что позволит увидеть, чему учит этот отрывок потенциального писателя, понять эффективность/неэффективность принятых переводческих решений.

Например, прямой перевод тех риторических вопросов из рассказа У. Сарояна, о которых мы говорили выше (What is it more than..., What is it but...), конечно, возможен, но не будет передавать те особенности авторского голоса, которые удалось выделить в процессе предпереводческого анализа.

Возможный вариант перевода, учитывающий результаты предпереводческого анализа:

<p>What is it but an ordinary American town, no different from ten thousand others, where thirty million others were once born and where once they knew childhood and youth, and went away or stayed?</p> <p>What is it more than a place where two or three dozen rested one day of one year and stayed, and others came, and stayed, and still others came out of their staying?</p> <p>What is it more than two depots, one on each side of town, east and west, the city in between, the streets and houses all around, the dwellers never out of hearing of the trains coming and going?</p> <p>What is it more than the beginning of the world, with winter coming? (W. Saroyan «My Home, My Home»)</p>	<p>Что же в нём такого? Ведь это всего лишь обычный городок, такой же, как и десятки тысяч других, в которых рождались, выросли, уезжали или оставались миллионы, таких же, как я.</p> <p>Что в нем такого? Ведь это всего лишь местечко, в котором два-три десятка путников остановились на день, а потом остались там, а потом приехали другие и тоже остались, и дали жизнь другим.</p> <p>Что в нём такого? Ведь и нет ничего, кроме двух депо, обрамляющих город с запада и востока, да ещё улицы и дома вокруг, в которых постоянно слышен неумолкающий стук колёс прибывающих и отбывающих поездов...</p> <p>Что это как не начало мира перед приходом зимы?! (перевод наш – Е.М., Д.К.)</p>
---	---

Эта попытка перевода становится средством, благодаря которому студенты учатся проникать в текстуальный смысл слова, в выразительные возможности языка, устанавливать смысловую эквивалентность различных способов сохранения замысла, тона и голоса автора в иной культуре и на ином языке, иными словами, сохранять поэтическую функцию текста.

Таким образом, посещение такой «открытой кухни» порождения высказывания, а потом и перекодирования его средствами другого языка, иными словами максимальная детальная рецепция, сопряженная с толкованием каждой минимальной единицы высказывания, репродукция (воссоздание на языке перевода), а потом продукция (порождение собственного высказывания), позволяет студенту вовсе не имитировать манеру письма автора, а создавать своё выразительное высказывание, учитывая поэтическую функцию языка не как нагромождение тропов, а как максимально эффективное соответствие интенции и способов её выражения. В этом и заключается потенциал предпереводческого анализа (и перевода) как активатора выразительности письменной речи студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. Москва: Либроком, 2010. — 336 с.
2. Головин Б.Н. Основы культуры речи: Учеб, пособие. — М.з Высш, школа, 1980.— 335 с.

3. Золян С.Т. Текстцентрическая семантика и теория перевода // Иностранные языки в высшей школе. – 2013. – Вып. 2(25). – С. 11–18.
4. Казанцева Е.М. Выразительность как качественная характеристика письменной речи // Вестник ИрГТУ. 2007. №1 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazitelnost-kak-kachestvennaya-harakteristika-pismennoy-rechi> (дата обращения: 28.03.2025).
5. Колкер Я.М. Выразительность текста в парадигме "поэтика - поэзия - перевод" / Я.М. Колкер, Е.С. Устинова // Иностранные языки в высшей школе. – 2021. – № 2(57). – С. 108–117. – DOI 10.37724/RSU.2021.57.2.010. – EDN KVIVZK.
6. Колкер Я.М. О границах "естественной" эквивалентности и допустимости их нарушения в художественном переводе / Я.М. Колкер, Е.С. Устинова // Иностранные языки в высшей школе. – 2022. – № 4(63). – С. 74–83. – DOI 10.37724/RSU.2022.63.4.010. – EDN HIPWAY.
7. Колкер Я.М., Устинова Е.С. Как сделать высказывание точным и выразительным: теория и практика обучения говорению на иностранном языке. М.: Научная книга, 2009. – 352 с. – ISBN 978-5-91393-055-02
8. Колкер Я.М., Устинова Е.С. О неявных проявлениях поэтической функции: переводческий взгляд // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, №3. С. 34–53. doi: 10.5922/2225-5346-2021-3-3.
9. Колкер Я.М. Поэзия и проза художественного перевода. – М.: Гуманитарий, 2014. – 497 с.
10. Марьяновская Е.Л. Репрезентативность звукового оформления художественного произведения как переводческая проблема / Е.Л. Марьяновская // Иностранные языки в высшей школе. – 2016. – № 4(39). – С. 64–69. – EDN XHDOLV.
11. Марьяновская Е.Л. Предпереводческий анализ как инструмент обучения художественному переводу: учеб.-метод. пособие / Е.Л. Марьяновская. — СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. — 116 с.
12. Рубцова Ю.Ю. Обучения экспрессивной письменной речи на младших курсах языкового вуза: дис. . . . канд. Пед. Наук: 5.8.2. Рязань, 2023. – 285 с.
13. Сковородников А.П. Выразительность речи / А.П. Сковородников, Г.А. Копнина // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет; под редакцией А.П. Сковородникова. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 83–84. – EDN URETIB.
14. Хазагеров Г.Г. Риторический словарь [электронный ресурс] / Г.Г. Хазагеров. — 2-е изд., стереотип. — М.: ФЛИНТА, 2011. — 432 с.
15. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. Структурализм: "за" и "против". М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.
16. Nord С. Text Analysis in Translation. Theory, Method, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. 2nd revised edition. Amsterdam-New York: Rodopi, 2005. 284 p.

© Марьяновская Елена Леонидовна (e.maryanovskaya@rsu-rzn.ru), Калягин Данила Константинович (d.kalyagin7@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»